

Правда Православия

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА:

1. Летопись единоверческой жизни	1
2. Лица. Муж государственный и верный. Ведущий рубрики – В. Карпец.	6
3. Держитесь Предания. Православие и Латинство. Часть 2. В. Карпец.	10
4. Литературная страница. Отошла. Ф. М. Достоевский. Столетняя. Ведущий рубрики – М. Душин.	16
5. Богослужения в единоверческом храме Архангела Михаила в мае 2004 года.	20

Летопись единоверческой жизни

В журнале «Правда Православия», выходившем в свет в 1906-1908 годах в Санкт-Петербурге и бывшем предшественником нашего издания, существовала рубрика «Летопись единоверческой жизни», повествовавшая читателям о событиях, происходивших в единоверческих приходах Санкт-Петербурга и всей России. До недавнего времени в нынешней «Правде Православия» была рубрика «Из жизни нашего храма». Начиная с настоящего номера, мы переименовываем ее в «Летопись единоверческой жизни» и делаем это по следующим причинам: во-первых, тем самым восстанавливается ее историческое название; во-вторых, положение крупнейшей единоверческой общины, которое занимает сейчас в России храм Архангела Михаила вполне соответствует статусу Санкт-Петербургского Никольского единоверческого храма, занимавшего

в начале XX-го столетия центральное положение в Единоверии; в-третьих, в дальнейшем мы намерены освещать в данной рубрике важные события, происходящие и в других ныне действующих единоверческих приходах.

... Апрель был насыщен событиями, которые наши читатели могут вспомнить, взглянув на фотографии на страницах 1-5, о некоторых из них хотелось бы рассказать подробнее.

11/25 апреля 2004 года. Крестный ход в Неделю Жен-Мироносиц. На святом источнике.
Фото И. Краева

4-ю апреля.

Скорбные и торжественные богослужения Страстной седмицы. Особенно трогательные службы Страстей Христовых с чтением 12 Евангелий вечером в Великий Четверток, Царские часы утром в Великую Пятницу, вынос Плащаницы в 2 часа по полудни и наконец служба Божественного погребения в ночь с пятницы на субботу с Великим канонем «Волною морскою...»,

крестным ходом с Плащаницей, символизирующим погребение Спасителя, умирительным пением стихеры «Приидите ублажим Иосифа», а также чтением паремии — пророчества Иезекиилева, провозглашающего грядущее воскресение мертвых.

11 апреля.

Святую ночь в Михайло-Архангельском храме как обычно предваряли праздничные заботы по благоустройству храма и его территории. К нынешней Пасхе на Святые врата храма с наружной стороны был воздвигнут мозаичный образ Знамения Божией Матери, созданный художником Виталием Николаевичем Савлуком, а также установлено позолоченное паникадило в центральной части зимнего храма. Позолота была выполнена мастерской под руководством Леонида Витальевича Логотова

Как и в прошлые два года для Богослужения был подготовлен «летний» храм с Престолом во имя Архангела Михаила, издревле называвшийся прихожанами «настоящим». Вновь заняли свои места иконы первого ряда иконостаса, появились аналои с иконами и подсвечниками.

После окончания чтения Деяний Святых Апостол приблизилось время полунощницы. На ней вновь был прочитан канон на Боготелесное погребение, а при пении ирмоса 9-й песни «Не рыдай Мене Мати», духовенство после каждения внесло Плащаницу во Святой алтарь. Но вот закончилась полунощница, все готово к крестному ходу. Отворились Царские

Великая Суббота. Служба Боготелесного погребения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа.

Фото И. Краева

Воскресение Христово — Пасха Христовая

Фото И. Краева

«Сия убо святая и спасительная ночь...»

Фото И. Краева

врата, духовенство исходит из алтаря. Впереди торжественного шествия следует свещеносец с фонарем, внутри которого горит возженная свеча, за ним несут за престольные иконы, затем иконы храмовых святых и икону Воскресения Христова. За иконами — диакон с кадилом и диаконской свещой, затем второй священник с Евангелием и отец настоятель с крестом и трисвещником. С пением стихеры «Воскресение Твое Христе Спасе» крестный ход стройно вышел и направился вокруг церкви.

Незабвенные минуты! Каждый год верующие в эту ночь с одинаковым трепетом переживают эти священные мгновения. После троекратного обхождения вокруг храма крестный ход остановился у входных врат. На несколько мгновений все смолкло. И среди этой тишины торжественно запели: «Христос воскрес из мертвых, смертию на смерть наступи и гробным живот дарова» трижды, а затем вновь и вновь с положенными стихами: «Да воскреснет Бог и разыдутся враги его...». После сего отворились до сих пор запертые двери, двинулись образа, несомые прихожанами и крестный ход с пением пасхального тропаря возвратился в освещенную свечами, благоухающую фишмамом церковь.

Началась Пасхальная заутреня. На каждой песне канона духовенство переменяло облачение и обходило с каждением церковь.

После окончания Светлой заутрени духовенство и молящиеся пере-

шли в «зимний» храм, где в приделе святого великомученика Георгия началась праздничная Божественная Литургия.

Пасхальное Богослужение закончилось в 6 часов утра освящением праздничных брашен, принесенных богомольцами, и взаимными радостными поздравлениями всех молившихся этой ночью.

15 апреля.

В Светлый Четверток единоверческий храм Архангела Михаила посетил Предстоятель Русской Православной Старообрядческой Церкви митрополит Андриян в сопровождении духовенства Покровского собора. Владыку Андрияна встречали и приветствовали священнослужители, члены причта и церковной общины храма. В краткой беседе с представителями крупнейшей ветви старообрядчества речь шла о возрождении духовных и культурных традиций и ценностей, издревле существовавших на Святой Руси.

25 апреля.

Крестный ход в Неделю святых Жен-Мироносиц в нынешнем году был юбилейным сразу по двум показателям: во-первых, он совершался в 15-й раз после открытия храма, а во-вторых, в нынешнем году отмечается 140-я годовщина перенесения образа Божией Матери Иеросалимской из уездного тогда города Бронницы в Михайловскую Слободу. Юбилей

перенесения иконы невольно заставляет еще раз вспомнить историю как самого образа, так и крестных ходов, посвященных ему.

Встреча митрополита Андрияна у святых врат храма Архангела Михаила.

Фото И. Краева

Цветы и слова приветствия митрополиту Андрияну.

Фото И. Краева

Светлая Суббота. Крестный ход вокруг храма.

Фото И. Краева

Иеросалимская икона Божией Матери, написанная в XVI столетии и находившаяся в Бронницком Михайло-Архангельском храме, очень почиталась во всем уезде за чудесную помощь, дарованную верующим в избавлении от чумы в 1771 году и за многие другие благодеяния Божией Матери, также связанные с избавлением от смертоносных эпидемий уже в XIX веке.

Эту икону ежегодно на Фоминой неделе крестным ходом выносили из Бронниц в Михайловскую Слободу и на пути следования делали остановки в окрестных селах, где служили молебны при большом стечении богомольцев.

В Михайло-Архангельском приходе икона была так благоговейно почитаема, что верующие решили иметь ее точный список у себя в храме. В 1864 году их желание было исполнено и Иеросалимская икона Божией Матери, подобная чудотворной была с честью перенесена из Бронниц в Михайловскую Слободу.

После перенесения этого образа, традиция крестных ходов из Бронниц в Михайловскую Слободу и близлежащие селения, входившие в состав прихода не была прервана. Бронницкую древнюю икону ежегодно с нетерпением ожидали, встречать ее в Фомину неделю в Бронницы

выходило духовенство нашего храма. Однако, в первые же годы Советской власти, икону носить запретили и с тех пор молились перед своим образом — точным списком Бронницкой иконы.

Когда храм Михаила Архангела в Михайловской Слободе закрыли, множество бедствий выпало на долю нашей иконы. Ее хотели сжечь, но Бог милостив и верующие спасли. Иерусалимская икона, несмотря на большой размер неоднократно переносилась из одного храма в другой. Ее пытались реставрировать, но, к сожалению, при этом изначальный образ был сильно искажен. Но Божие милосердие неисчерпаемо и после открытия храма, наша многострадальная икона вновь вернулась в Слободу.

В 2001 году для нее был сделан новый киот, а минувшим летом, в августе, наш великий мастер иконного письма Б. П. Кошелев возродил почти из

Михаило-Архангельского единоверческого общества было принято решение о написании иконы специального размера для ношения на особых носилках. К крестному ходу нынешнего года носилки успели изготовить, а вот икона еще не написана, поэтому в нынешнем году взяли в путь старинную Иверскую икону Божией Матери, также отреставрированную три года назад Борисом Петровичем Кошелевым. Ее размеры были взяты как образец для написания новой Иерусалимской иконы.

Крестный ход начался с молебна Божией Матери Одигитрии. С пением ирмоса «Отверзу уста моя» духовенство, церковный причт и богомольцы отпра-

Икона Иерусалимской Божией Матери единоверческого храма Архангела Михаила села Михайловская Слобода до (слева) и после (справа) реставрации, выполненной Б. П. Кошелевым в августе 2003 года

небытия дивный первообраз, скрывавшийся под многими слоями красок и лаков.

В прежние времена во время крестных ходов носили именно этот образ, но затем, чтобы не повредить икону во время дальних переносов было принято решение установить икону для постоянного пребывания в храме, а для крестных ходов брать иконы меньших размеров. В последние годы носили аналойные иконы, а в прошлом году на собрании

вились в путь. По 6-й песни канона читался акафист Божией Матери с пением по крюкам кондака «Взбранной Воеводе победительная». Водосвятие было совершено на «Суздалевом» святом источнике в Михайловской Слободе. После освящения воды с пением 7-й песни канона крестный ход продолжил свое шествие в Кулаково. Там, свое обычное радушие проявили Никола Петрович и Лидия Алексеевна Булычевы милостиво напивавшие всех богомольцев.

Начало крестного хода в Неделю Жен-Мироносиц.

«На гору высокую ...» Восхождение на Боровской курган.

После транезы и короткой передышки с пением молебна Святой Пасхе богомольцы отправились в дальнейший путь на в Чулково на Боровской курган. Нелегкое и нескорое восхождение завершилось одновременно с окончанием Пасхального молебна и участники крестного хода имели возможность восстановить свои силы у святого источника на самом кургане.

После сего отправились в обратный путь, который лежал по набережной реки-Москвы, через

деревню Чулково. Как и ранее в Михайловской Слободе и Кулаково икону встречали местные жители — прихожане нашего храма, которые, несмотря на поздний уже час дожидались шествия крестного хода, чтобы по древнему обычаю пройти под Святой иконой.

К храму богомольцы вернулись в 10 часов вечера с несмолкаемым пением пасхального тропаря, встречаемые колокольным звоном, уставшие телесно, но получившие неизгладимые духовные впечатления.

Лица

Муж ГОСУДАРСТВЕННЫЙ И ВЕРНЫЙ

Из января 1873 года в собрании Санкт-Петербургского общества любителей духовного просвещения был прочитан доклад «О нуждах Единоверия». В первой половине XIX века Единоверие даже еще в большей степени, нежели «чистое» Старообрядчество, считалось чем-то «простонародным», «деревенским», в крайнем случае, «купеческим». Высшая иерархия Церкви смотрела на него как на явление, которое «надо терпеть»; «образованные сословия» полагали плодом «невежества» и «невоспитанности», если вообще о нем знали (как, впрочем, и сейчас); правительство «загоняло» старообрядцев в Единоверие. Мало кто при этом знал, что Единоверия, по сути, придерживались ушедшие в небытие еще в начале XVII века князья Ухтомские, Карголомские, Мышечские, Грузинские, потомки Рюрика, благоразумно скрывавшиеся в своих отдаленных вотчинах. «Барин на Пасху в церковь ходит, а дома моленную держит и службу правит по-старому, а люди у него все по филиппову согласию, а то и по спасову» — обычная за Волгой картина. А в Петербурге многих чиновников вдруг хоронили на Охте, на единоверческом кладбище, о чем товарищи по столу при жизни и не подозревали (разве что табаку не курили), и начальство помалкивало — ежегодное «свидетельство о бывании

на исповеди и у святого Причащения» в единоверческом храме по юридической силе было приравнено к общеправославному и давало возможность беспрепятственно верой-правдой служить Царю и Отечеству, да и «подкормить-ся», капиталец детям скопить. Так и жили. И оказывалось Единоверие

как бы само собою подлинной верой народа, в толще своей не отказавшегося от двуперстия, лестовки, бороды да богородичного платка. Посмотреть на фотографии даже уже 70-х годов XIX века — крестный ход где-нибудь в Нижегородской губернии: несут образ — как ни есть «раскольницы»! Но нет, значит — епархия, консистория... И только в столицах иначе... Как соединить это несоединимое? В конце XIX века появились в Рос-

сии люди — их было претупно мало! — задумавшиеся о том, как это сделать. В официальных учебниках их называют «поздними славянофилами». Осуществление их идей означало бы не распад февраля 1917 года, а возвращение смысла всему — от царской власти до исконного народного тягла. Их имена можно сосчитать по пальцам: Николай Яковлевич Данилевский, Константин Николаевич Леонтьев, Лев Александрович Тихомиров... К их числу принадлежал и Сенатор, Государственный контролер, председатель Императорского Православного Палес-

Т. И. Филиппов

тинского общества, писатель Третий Иванович Филиппов (1825-1899). Ему-то и принадлежал доклад о нуждах Единоверия, внимательно и с надеждой читавшийся, по свидетельству газет того времени, чуть ли не в каждой грамотной крестьянской семье.

☆☆☆

Родился Третий Иванович Филиппов в семье аптекаря, сословия купеческого, во Ржеве — одном из центров старообрядчества, городе, где еще в первой половине XIX века очень трудно было определить, кто из «незаписных» на самом деле придерживается старин. Едва ли не треть населения ходила в «записных», но и среди «греко-российских» преобладало двуперстие. Еще предстоит, разбирая архивы, выяснить, числился ли отец Филиппова по консистории или был записан единоверцем, но старообрядческие корни семьи очевидны. Ясно лишь то, что «записными» Филипповы не были, поскольку юноша окончил Тверскую гимназию (Единоверие такое право давало одинаково с Церковью греко-российской), а затем поступил в Московский Университет, который окончил со степенью кандидата историко-филологического факультета. Владевший греческим и латинским языками и весьма начитанный в святоотеческой и богословской литературе, до 1856 года он преподавал русскую словесность в Первой Московской гимназии, одновременно сотрудничая в ряде изданий, преимущественно «славянофильского» направления. Среди них — «Москвитянин», «Русский вестник», «Дно», «Московский литературный и ученый сборник». В 1856 году совместно с Александром Ивановичем Кошелевым основал, а затем и редактировал славянофильский журнал «Русская беседа». В 1856 году Филиппов был направлен в командировку на Дон и Азовское море для исследования нравов местного населения и по возвращении переехал в Петербург; затем был назначен чиновником особых поручений при Святейшем Синоде для занятия делами, касающимися восточных православных церквей и преобразования духовных учебных заведений. В 1864 году он перешел на службу в Государственный контроль (ветвь высшей исполнительной власти, совмещавшая функции нынешней Счетной палаты и отчасти прокуратуры); с

1878 года был товарищем Государственного контролера, а с 1889 года — Государственным контролером и членом Государственного Совета (сенатором). Газеты того времени писали: *«Назначение Третья Иванова Филиппова государственным контролером — факт, со вчерашнего дня совершившийся (26 июля 1889 года). Наше высшее государственное управление приобретает в нем человека вполне русского, с твердым и патриотическим образом мыслей, а мы с удовольствием можем прибавить, что в данном случае высоких степеней достигает человек, своими трудами создавший свою карьеру, и литератор. <...> Тонкое и глубокое знание греческого языка, богословских наук и канонического права определили его будущую карьеру и указали в г. Филиппове Св. Синоду человека необходимого в ведомстве православного духовенства. Г. Филиппов не первый у нас светский богослов (не считая, конечно, профессоров духовной академии). Ранее его Хомяков, Самарин, А. Муравьев были весьма солидными богословами, не принадлежа к духовному званию. В новейшее время гг. Киреев и Тернер приобрели известность своими богословскими этюдами. Едва ли, однако, г. Филиппов не превосходит всех вышеозначенных лиц солидностью своего богословского образования, а вместе с тем и чистотой своего православия. <...> Мы несколько распространились о богословских трудах г. Филиппова вовсе не с каким-либо затаенным намерением намекнуть, что почтенный государственный деятель более богослов, нежели финансист. Напротив того, мы глубоко убеждены, что «Правила и формы сметного, кассового и ревизионного порядка» ему так же хорошо известны, как творения Вальсамона, Аристина и Зонары».¹ Это действительно было так. При Филиппове была улучшена отчетность об исполнении государственной росписи, образован департамент железнодорожной отчетности, издано «Положение о порядке хранения и уничтожения отчетности, поверяемой государственным контролем». Третий Иванович Филиппов был первым вице-президентом Императорского Православного Палестинского общества.*

В отличие, например, от графа А. К. Толстого, постоянно сетовавшего на несовместимость службы и литературно-художественной деятельности, Филиппову удавалось успешно совмещать то и другое. В 1882 году вышел знаменитый, до сих пор не утративший ценности сборник «Сорок народных песен, собранных Т. И. Филипповым и гармонизированных Н. А. Римским-Корсаковым». В 1884 году по его инициативе была создана особая песенная комиссия для исследования, собирания, а с 1887 года и для изучения народных песен, председателем которой Филиппов был до конца жизни. Он же стоял у истоков создания первого Великорусского оркестра народных инструментов В. В. Андреева. Среди его литературных произведений - статьи об А. Н. Островском, Аполлоне Григорьеве, А. Ф. Писемском, безсменным другом и корреспондентом которых он был. Писал он также повести и стихи. Третий Иванович обладал редким даром «сотворчества» и «собеседничества»; непрерывно «рождая» своеобразные мысли и образы, он щедро делился ими с лучшими людьми русской культуры того времени. Будущим исследователям еще предстоит определить — где Филиппов, а где тот, кого мы привыкли считать единственным автором. Среди последних — Николай Семенович Лесков и Модест Петрович Мусоргский, ближайшим другом и душеприказчиком которого он был в последние годы жизни. Что же до «Хованщины», то можно прямо говорить о соавторстве Третья Филиппова в создании либретто этой действительно лучшей русской оперы; в особенности это касается истории старообрядчества и включения в музыкальную ткань старинных знаменных распевов. Но, пожалуй, еще более важным было его собеседничество с Константином Николаевичем Леонтьевым и Львом Александровичем Тихомировым. До конца жизни будучи привержен славянофильской мечте о возвращении России «ко дням Котошихина»² с Патриаршеством и соборами, он в то же время не разделял антиимперского пафоса братьев Аксаковых, их барственно-либеральной нелюбви к государству и бездумного сочувствия чисто племенным устремлениям западных славян. Позиция Филиппова в славянофильстве была в гораздо большей степени, чем у собственно «чистых» славянофилов, импер-

ской и церковной. Та же газета в связи с его назначением писала: «Сочувствуя глубоко славянской идее, г. Филиппов всегда принимал деятельное участие в Славянском благотворительном комитете и от имени последнего произнес приветственное слово в 1869 году известному сербскому митрополиту Михаилу, следующим образом сформулировав программу России по отношению к славянскому миру: «У нас одна о вас мысль и одно попечение, — говорил он, — чтобы все единоверные и единокровные нам народы устроили судьбу свою на основании их действительных прав, не преступая в предел братьев и представляя из себя союз мирных, никому не угрожающих сил, не ищущих возмездия за прошлое, но достаточно крепких для отпора новых посягательств на их покой и свободу». Любовь к славянам не заставила, однако, г. Филиппова одобрить политику, поддержанную гр. Игнатьевым, повлекшим к образованию из Болгарской церкви автокефальной и независимой от Вселенского Патриарха. В публичных чтениях в Славянском комитете и в разных журналах, в течение 1870-1872 годов вел горячую полемику <...>, доказывая в особенности неканоничность учреждения болгарского экзархата. Сочувствие восточных греческих церквей в данном случае было, естественно, на стороне г. Филиппова, и он был награжден почетным званием епитропа Гроба Господня».

Особенно эта позиция сблизил Филиппова с К. Н. Леонтьевым, видевшим в стремлении к славянской независимости орудие Запада и путь ко «всесмешению», а в самих славянах Восточной Европы — тот же ненавистный ему тип «среднего европейца». Именно Филиппова наряду с Тихомировым имел в виду Константин Леонтьев в качестве предполагаемых с ним основателей полутайного (как писал в дневниках К. Н., наподобие масонского, но противоположного по устремленности) общества для жесткого противодействия «демократии либеральной и социальной». Поразительно, но именно высшее чиновничество вкупе с полицейским ведомством сделало все для того, чтобы план этот не осуществился. Что же до Филиппова, то он, безус-

ловный антилиберал, был готов воспринимать те из либеральных веяний, которые прямо государственным интересам не противоречили. Так, он был сторонником отмены смертной казни и одним из первых высших государственных чиновников, начавших в своем департаменте прием на службу образованных лиц женского пола. Главным же смыслом жизни Третья Иванова был Христос. В его служении Церкви можно видеть два главных направления: восстановление дораскольного единства Русской Церкви и возвращение Вселенского Православия к его каноническим основаниям, заложенным в эпоху Вселенских Соборов. Но об этом — и прежде всего об этом — мы будем говорить особо.

☆☆☆

«Вам известно, милостивые государи, — начал докладчик, — что в составе русской церкви есть такие члены, которые наравне со всеми нами признаются чадами единыя, святыя, соборныя и апостольския Церкви (п. 16 правил митрополита Платона), но отличаются тем, что совершают, с разрешения

(продолжение следует)

¹ Византийские канонисты XI-XII вв., авторы общепринятых и утвержденных Церковью толкований Правил апостольских, Правил святых отец и законодательства Юстиниана. Толкования этих трех великих канонистов вошли в греческий Номоканон и русскую Кормчую. О всех трех см. Цыпин Владислав, протоиерей, «Церковное право», (люб. изд.).

² Котошихин Григорий Карпович — дьяк Посольского приказа при Царе Алексее Михайловиче. Один из первых «диссидентов»: бес попутал его «выбрать свободу» и бежать в Швецию, где он составил для короля подробнейшее описание государственного устройства Московской Руси, до сих пор являющееся лучшим учебником по истории отечественного государственного права. Как и всякий нормальный русский человек, «с полного дуру» решившийся бросить Родину, кончил плохо: быстро пропив полученные от короля деньги за книгу,

святейшего синода, богослужение по старопечатным, т.е. до патриарха Никона изданным, книгам, с сохранением при этом некоторых обрядовых особенностей, бывших в употреблении тоже до времени Никона и затем на соборе 1666 года запрещенных, вследствие чего эти члены Православной Церкви и выделяются в особые так называемые единоверческие приходы, состоящие под управлением общих православных епископов, подобно всем другим православным приходам, с тою лишь разностью, что на них не распространяется власть и влияние епархиальных консисторий».

Своим докладом Третья Иванова стремился показать причины, по которым положение Единоверия как внутри Церкви, так и в государственном отношении, казалось (а во многом и было) двусмысленным, что и не давало возможности преодолеть последствия ломки середины XVII века и восстановить подлинное общенародное вероисповедное и культурное единство, на котором держался и с которого сошел Третий Рим, град ограждения Православной веры.

Котошихин впал в полную нищету и завещал за ничтожный пенсией свой скелет Стокгольмскому Королевскому музею. Скелет Котошихина (или то, что выдают за него) до сих пор показывают посетителям музея. О «днях Котошихина» Филиппов говорит, разумея образец сродного для России государственного устройства и права, описание которых составил этот несчастный.

Ведущий рубрики —
В.И. Карпец

Держитесь Преданна

ПРАВОСЛАВИЕ И ЛАТИНСТВО

(продолжение)

В X-XIII ВЕКАХ окончательно складываются, в целом не изменившись до нашего времени, основы уже не просто латинского, но именно римо-католического учения, полностью противоположного Православию во всем — от метафизики и богословия до мельчайших деталей быта.¹ Тот зазор между августинизмом и каппадокийством, о котором мы писали выше, превращается в пропасть. В 1210 году поместный Парижский собор анафематствовал сторонников Иоанна Скота Эриугены (810-877 гг.), переводчика и комментатора Восточных Отцов - Дионисия Ареопагита, св. Григория Нисского, преп. Максима Исповедника. Тем самым косвенно было анафематствовано все мистическое богословие Восточной Церкви, отвергнут сам его язык.² Ансельм Кентерберийский, Альберт Великий, Фома Аквинский, Оккам и другие доводят креационизм блаженного Августина и ряда библейских книг (прежде всего, Маккавейских)³ до крайности, открывая тем самым путь к вытеснению священного из мира, к его отчуждению, к апостасии. «Теология жестко порывала с холистским подходом античности, где «горнее и долнее» воспринималось как одни и те же реальности, различающиеся лишь в степени бытийной напряженности», — пишет философ, прихожанин нашего храма Александр Дугин. И далее: «Такой подход был чужд восточной патристике, которая, напротив, всячески минимизировала оппозицию между земным и небесным, тварным и нетварным, тяготея к синтезу, воплощенному в Христе и мистически продолжающемуся в жизни Церкви».⁴

Основой богословия Запада становится различение материи и формы, заимствованное из фи-

лософии Аристотеля, переосмысленной схоластами. Отсюда происходит и разделение церковной жизни на «важнейшее» и «второстепенное». К первому в католической теологии относится догматика⁵ и таинства⁶ (в которых также различаются материя и форма — категории аристотелевой метафизики), ко второму (второстепенному) — обряд⁷. Как следствие возникает и «конвенционализм» — представление о неких «нейтральных» областях жизни, к которым Церковь якобы безразлична — государственное устройство, род занятий, внешний вид человека и т. д.⁸ Это уже выходит за рамки

даже чистого августинизма с его четким делением на добро и зло, не говоря уже о ясном указании Евангелия: «Буди же слово ваше: ей, ей, ни, ни, лихо еже сею, от неприяни есть» (Матф., 5, 37). Для Православного же Востока нет «нейтральных» вещей - Православие тотально, если угодно, даже «тоталитарно», поскольку в Церкви все богодухновенно («ей, ей») вплоть до малейших «частностей»: строго говоря, Православие вообще не знает ничего «частного», оторванного, индивидуального. Церковь соборна, и спасение в Церкви соборно, «міром». И преподобный Иоанн

Собор Св. Петра в Риме.

Лествичник настаивает на том, чтобы «словесы, и дела, и мыслию во Святую Троицу праве и безпорочка веровати» (Лествица, Слов. 1-е, ст. 19). Вошедшее в «Кирилову книгу» «Слово об опресноках» гласит: «Вера бо самими вещьми действуема состоится». (Кирилова, л. 297). Отсутствие «видимых знамений» лишает и благодатной сущности: «Давемы, где суть, гдеже несть их. Сия бо суть нашего ради увещания. Идеже знамения, от Господа назнаменованная и преданная на что не суть, тамо ниже вещь и тайна от Бога данная есть».

(Большой Катехизис, л. 378, об.). В православном богослужении благовествованием является все — и собственно Слово Божие, и иконопись, и церковная живопись (фрески), и пение, и детали устава — устав о звоне, устав о поклонах и т. д. Все это вместе теургично и всеохватывающе. Так же теургичен и быт православного государства, общества. О нем современный человек судит, однако, по «поздним» источникам — книгам П.Мельникова-Печерского и И.Шмелева. Но уже и это — остаточные, умирающие формы, сохранявшиеся в отдельных слоях общества (в России — у купечества), тогда как подлинно православный быт, образ неба на земле к этому времени «ушел на небо» вместе с эпохой, когда все — от царя до нищего — славил Бога «едиными усты и единым сердцем», радуясь о Христе Воскресшем. Латинство же, строго следуя своему изначальному предпочтению Христа как «страдающего учителя» Христу Воскресшему, Спасу-в-Силах, Царю Славы, выделяет в качестве главного, в качестве материи веры словесное ее содержание (в пределе — чистую проповедь, что уже, впрочем, более свойственно протестантизму), придавая всему остальному второстепенное значение формы.⁹

Следует отметить разрушительное воздействие «конвенциональной» схоластики на собственно латинскую литургию (мессу), о чем мы уже упоминали. Речь идет об отказе от эпиклезы — призывании Святого Духа на приносимые Святые Дары. Такое призывание само относится латинскими богословами к области «формы». «С известного времени, — пишет архимандрит Киприан (Керн), — римская практика выбрасывает из мессы эту молитву, или, точнее, так ее скрывает в контексте своих молитв, что она теряет свое значение и характер освятельной молитвы».¹⁰ Происходит это вопреки изначальности этой тайной молитвы, о чем свидетельствуют такие древние Отцы и учителя Церкви, как св. Ириней Лионский, свщ. муч. Иустин Философ, Ориген и др. Римская Церковь не только отказалась от эпиклезы, но и прямо отвергла ее в XIV в. устами папы Бенедикта XII по поводу обращения армянского царя Льва IV, а затем на Флорентийском соборе. После этого вполне логично возникает вопрос не остаются ли после латинской мессы простые хлеб и вино?¹¹

В это же время в Римской Церкви вводится особое учение о «сверхдолжных заслугах» святых.

Оно проистекает из первоначального «антропологического» взгляда о том, что человек, с помощью нравственных усилий, может самостоятельно достичь святости. Если это так, то и святые могут «выкупить» из греховного плена тех, кто их «уровня» не достиг. На бытовом уровне это привело к распространившемуся взгляду на то, что можно, скажем, построив храм или регулярно внося деньги на обитель, «освятить» капитал или «загладить» разбой (к сожалению, этот взгляд проник и в православное сознание; бытует он и среди старообрядцев). Но это все же, так сказать, предрассудок, а не доктрина. Латинство же формулирует особое учение на эту тему. Грешник может «выкупить» часть «праведности» у Церкви и тем очиститься. С XII-XIII веков в Европе начинает широко применяться продажа так называемых «индulgенций» — грамот, прощающих те или иные грехи, в том числе и пока не совершенных. В 1320 году папой Иоанном XXII была издана так называемая «апостольская такса» (!). По ней, например, ложная клятва именем Божией Матери прощалась за один франк, а именем «обыкновенного» святого — за 3 су. Епископ или аббат могли убить кого угодно, заплатив 300 франков. «Обычный» человек за убийство отца, матери, сестры или жены платил 40 дукатов. За подделку завещания — 28 дукатов. За поджог или ложную клятву — те же самые 28 дукатов. Не будем перечислять «деяния неудобосказуемые» (они занимают едва ли не половину перечня) — читатель и так легко догадается, о чем идет речь, и сам примерно может определить цену... Случаи, связанные с indulgenциями, становились общеизвестны и вошли в учебники истории (отнюдь не «атеистические»!). Например, с одним из самых известных продавцов indulgenций монахом Тецелем произошел такой случай: однажды дорогой в лесу его нагнал какой-то рыцарь и купил indulgenцию за тот грех, который собирался совершить. Получив ярлык, рыцарь схватил у Тецеля ящик с деньгами и ускакал. Кардинал де Лоррен (XIV в.) продавал (и покупал себе) indulgenции, прощавшие заранее «три греха на выбор». В Германии в XV в. право торговли indulgenциями приобрел Альберт, епископ Майнцский, который затем уступил за 30 тысяч дукатов это право банкиру Туггеру, еврею из Аугсбурга, который уже затем продавал их набожным католикам...

Конечно, можно сказать, что это крайности.

Но этими «крайностями» переполнена история Европы нескольких столетий. Сегодня этого нет. Но и сегодня Ватикан делит своих последователей на «практикующих» (которым дозволено частое причащение) и «непрактикующих», то есть обычных грешников. Спрос с тех и других принципиально различен. Грехи «непрактикующих» уже «искуплены» многочисленными святыми, в том числе последнего времени. Все это — следствие антропологической доктрины спасения, учения о материи и форме, разделении догмата и обряда.

Итак, латинство разделяет. И, разделяя, властвует. «Царство от мира сего» — так называлась вышедшая еще в 70-е годы ушедшего столетия атеистическая брошюра о Ватикане, неожиданно попавшая в точку. Выделяя форму как нечто нейтральное, римская курия на самом деле просто «ослабляла поводок», не без основания полагая, что потворство «свободе» часто создает более крепкие властные узы, чем требующий напряжения духа, души и тела «большой стиль» истинной онтологии, с которого, действительно, легко сорваться в бездну, если не имеется «удерживающего», катехона, каковым и является Царская власть, Империя.

Полноценное Православие не мыслит себя вне Империи.¹² Изначально империя и «ойкумена» (вселенная) — одно и то же. Святитель Иоанн Златоуст прямо отождествляет катехон («держай ныне») из 2-го Послания к Солунянам святого апостола Павла с империей, точнее, с римской (в его время уже ромейской, византийской) императорской властью. Важнейшей чертой православного учения о монархии является то, что она происходит непосредственно от Бога, без посредства церковной иерархии. Глава 42-я Кормчей гласит: *Великая паче иных иже в человецех есть дара Божия, от Вышняго дарована человеколюбия Божия, священство же и царство; ово убо Божественным служба, се же человечески ми владея и пекийся; от единого же тождество начала обоя происходят человеческое украшающее житие якоже ничтоже тако бывает поспешение царству сего ра-*

ди, якоже Святительская честь: о обоих самех тех при-сно все Богу молятся; аще бо они непорочны будут во всем и к Богу имут дерзновение и праведно и подобно укашати начнут преданные им грады, и сущее под ними будет согласие некое благо, во еже добро человеческой даруя жизни. Сему быти веруем, аще священников правил блюдение сохранится, ихже праведно похваляеши самовидцы Божию славу предаша апостолы и свя-тии отцы сохраниша же и заповедаша. Миропомазание императора (царя), согласно византийским, а позднее — русско-московским представлениям, не создает монарха, а лишь видимым образом

подтверждает его невидимое помазание во чреве матери.¹³ В эпоху Вселенских Соборов место Императора в Церкви уникально: он не только имеющий чин иподиакона «епископ внешних дел Церкви», ее страж и оградитель; он есть нечто значительно большее... Не имея на Соборе решающего голоса (а только совещательный, как представитель мира), он в то же время не только созывает Собор в связи с возникающими у него (от имени народа) догматическими вопросами, но и утверждает его решения своей подписью. «Что касается инстанции, их созывающей, то все семь Соборов были созваны императорами, — пишет официальный современный канонист Русской Православной Церкви протоиерей Владислав Цыпин. — Это бесспорный историчес-

Св. Лонгин Сотник.
Статуя из Собора св. Петра

кий факт, который бессильны опровергнуть позднейшие римо-католические фикции о том, что императоры, созывая Соборы, якобы исполняли поручения пап».¹⁴ Избрание Патриарха в Византии осуществлялось так: члены Синода выбирали трех кандидатов в Патриархи, после чего Император избирал одного из них.¹⁵ Во время междупатриаршества патриарший клубок хранился у Императора; во время междупатриаршества царская корона — у Патриарха.

Для латинского учения все люди изначально равны. Поэтому, как писал русский юрист и канонист М.В.Зызыкин, «светская власть выставлена как изображение человеческой гордыни, а короли потомками бандитов, захвативших власть над равны-

ми себе по наущению дьявола».¹⁶ Но, поскольку форма государственной власти (как и всякая форма) для латинства второстепенна, то Римская церковь в принципе одинаково относится и к монархии, и к республике¹⁷, вменяет себе право там, где монархия как данность существует, «делать королей» используя как миропомазание, так и отлучение от церкви. При папе Григории VII Гильдебранте (1073-1085) складываются две основные политические доктрины Ватикана — «теория двух мечей» и «теория двух светил». В полном соответствии с учением о «граде земном», порожденном человеческой гордостью, Григорий VII писал: «Может быть, думают, что царское достоинство выше епископского? Но царское изобретено человеческой гордостью, а епископское установлено божественной любовью».¹⁸ Излагая точный смысл учения Григория VII о власти, итальянец Эмилио Кроса писал: «Власть (*potestas*) заключается в полном авторитете Церкви, которая имеет совокупность всех полномочий, высшее руководство обществом и рассматривается как божественный атрибут, который принадлежит Церкви как высшему союзу на земле и исходит непосредственно от Бога, не имея отношения и основания в человеческой природе. В то время, как власть (*dominium*) имеет земное происхождение, власть, существовавшая до Церкви, имела свою основу в человеческой природе, от которой она заимствовала грешные свойства, слабость и свою низость. Для того, чтобы власть *dominium* могла оказаться совместимой с христианским обществом, она должна следовать Церкви в ее приказах и законах, должна получать от нее одобрение».¹⁹

Во время коронавания западных королей читалась булла Григория VII *Unam Sanctum*: «Итак, оба меча находятся в обладании Церкви, и духовный, и материальный. Но второй должен употребляться за Церковь, а первый — Церковью; один рукой священника, другой — рукой царей и воинов, но по приказанию Церкви в покорность ей. Нужно ведь, чтобы один меч был под другим, и светская власть подчинялась духовной... Духовная власть должна устанавливать земную и судить ее, если она окажется нехорошей... Поэтому, если уклонится с правильного пути земная власть, ее будет судить духовная. Поис-

тине, римскому первосвященнику подчиняется всякое человеческое существо, и мы объявляем, утверждаем, определяем и возвещаем, что это необходимо

для спасения».²⁰ Короля можно сместить, заменить, проклясть, в пределе — убить (последнее утверждали доминиканцы-«монархомахи»).

Согласно теории «двух светил», царская власть не имеет собственного бытия — она есть отраженный свет (луна) от власти епископа (солнца), прежде всего и по преимуществу — римского.²¹

«Освободившись» от «строптивой» Восточной Церкви, *Sugia Roma* ставит перед собой четкие и определенные цели — создание мирового теократического (точнее, иерократического)²² государства. При этом намечаются три основные направления наступления — Северо-Восток (Православная Русь), Юго-Восток (Константинополь-Иерусалим) и Юго-Запад (прежде всего, остатки Готской империи в Пиренеях и Испании). В дальнейшем сюда будет подключена и Америка. Первоначально проводятся реформы внутри самой Римской Церкви. Связаны они с именем уже упоминавшегося Григория VII Гильдебранта. Именно он, сын бедных родителей, умом и энергией добившийся кардинальского титула, стоял за избранием на папский престол Николая II (того самого, который окончательно разорвал с Православным Востоком), а затем был и сам избран на него. В своих собиравших многотысячные толпы проповедях он убеждал вернуться к евангельской нищете и целомудрию, обличал роскошь и разврат власть имущих. Провозглашая идеалом образ жизни первохристианской общины, он умалчивал при этом, что она не была централизованной, и местные епархии не зависели друг от друга. Особо следил Григорий VII за соблюдением celibата священства, главной целью которого было, по его же словам, предотвращение появления «духовных династий»²³. Идеалом Григория был своеобразный христианский коммунизм, добиваться которого он стремился через создание особых дисциплинированных орденов и конгрегаций. В 1075 году появляется т.н. «Диктат папы». Согласно этому документу, состоявшему из 27 статей, папе одному принадлежит право назначения, смещения и перевода епископов, разрешения юридических споров, созыва соборов (*sic!*), суда и наложения на императора и князей церковных наказаний, освобождения подданных от присяги верности «неправедному» императору или князю, возложения на императора его знаков отличия; никто не имеет права судить папу, а князья должны целовать его туфлю в знак того, что он и только он является викарием Христа.²⁴

Развивая эти положения, Григорий VII пришел к выводу, что князья являются непосредственными вассалами апостольской кафедры, из рук представителя которой они получают на началах владения княжеское, королевское и императорское право, принося папе ленную присягу (т. е. присягу верности без права наследования власти). Тем самым оказывается, что монархическая власть лишается своего наследственного характера²⁵, и даже «христианнейшие короли» не должны передавать своей власти по наследству, если против этого возражает курия.

Первой жертвой второго (после V-VIII вв.) этапа «папской революции», пришедшегося на XI-XIII вв., стала династия Гогенштауфенов (1138-1254), весьма успешно правивших Западной империей после того, как в X в. от нее отделилось Французское королевство. Германские императоры «Первого Рейха» стремились к восстановлению тех же пропорций между собой и Церковью, что существовали в Византии. Чтобы противостоять Гогенштауфенам, папы спланируют вокруг себя средиземноморские города, поддерживают ростовщичество (запрещенное церковными канонами), образуют Ломбардскую лигу и в конце концов поднимают восстание (по сути, первую в историю буржуазную революцию), свергая Фридриха I Барбароссу. Его внук, знаменитый Фридрих II, покровитель наук и искусств, стремившийся

включить в состав Рейха также исламские народы, после тридцатилетней борьбы за единую Империю был отлучен папой от Церкви и потерпел в борьбе с Римом жестокое поражение. Фридрих был знатоком древнееврейского, греческого и арабского языков, поэтом. На протяжении веков лучшие люди Запада считали себя его учениками и почитателями — Данте, Рихард Вагнер, Юлиус Эвола... Конечно, он не только не был антихристианином, как до сих пор утверждают католические и либеральные историки, но, напротив, стремился к восстановлению канонического устройства Церкви, возвращения к выборности епископов, к соборному устройству. Продолжая исповедовать латинскую догматику, в частности, *Filioque*, он все чаще устремлял взор на Восточную Церковь. Именно с Фридрихом связана легенда о «спящем императоре», который вернется...

В 1204 году по благословению пап «крестоносное воинство» вторгается в Константинополь, разграбляет город и увозит многие православные реликвии на Запад. На месте Византии временно устанавливается Латинская империя, павшая только в 1261 году, когда Михаил VIII захватил у латинян Константинополь и восстановил Священную Империю.

В это время основным направлением наступления латинства становится Православная Русь...

В. Карпец

(продолжение следует)

1 Русский правовед Н.Н.Алексеев (применительно к вопросу о государственном устройстве) прямо ставил вопрос о том, что собственно нужно считать Христианством как таковым — Православие или западные конфессии (католичество и протестантизм он считал единым мировоззрением). См. Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М., 1999.

2 Речь идет о языке в буквальном смысле слова. Теодор де Визева, исследователь и переводчик «Золотой Легенды» (латинского аналога «Четырех Миней»), с сожалением указывает, что ни писатель ее Иаков Варагинский (Jacques de Voragine, 1228-1298), ни его современники не знали греческого языка (La Legende doree, Paris, Ed. Du Seuil, 1998, pp. XXXIV).

3 Подробно о «креационизме» и «манифестационизме» см. Дугин А.Г. «Метафизика благой вести» в кн. «Абсолютная Родина», М., Арктогея-центр, 1999, с.222-230.

4 Дугин А.Г. Эволюция парадигмальных оснований науки. М., 2002, сс.125, 131.

5 Догмат — греч. слово от глагола *ἐδομάω* думать, полагать, верить — обозначает собою мысль, вполне утвердившуюся в человеческом сознании, ставшую твердым убеждением человека, а также определившуюся в твердое, неизменное решение человеческой воли. Догматы христианской религии богооткровенны, а по-

тому и непререкаемы и неизменны; они открыты Самим Богом сполна и однажды навсегда в св. Писании и Предании, переданы нам чрез едиnorodного Сына Божия и возведены апостолами» (ПБЭС, с.752-753).

6 Таинства — богоустроенные священные действия, в которых под видимым образом сообщается невидимая благодать Божия (там же, с.2139-2140).

7 Обряд — «видимый образ» таинства, т. е. видимые средства, внешние знаки, коими усваивается невидимая сила Божия на внешнюю жизнь и деятельность человека» (там же).

8 Отсюда, кстати, и такие, казалось бы, «мелочи», как дозволение на курение, брандобритие, ношение одежды иного пола и т. д. Сегодня типичным примером т. н. «христианского конвенционализма», проистекающего из латинской теологии, является, например, участие лиц «засорных профессий» — актеров, танцоров, певцов и т. д. в работе представительных органов государственной власти.

9 Постепенный, по мере воцерковления, отказ конкретного человека от светской музыки, поэзии, живописи и т. д. — не результат запрета или «гнущения» (которых нет), но естественная утрата интереса к этим областям как неполноценным, частичным, даже пародийным. Современный

католицизм пытается «благословить» все это, вплоть до «фильмов о Христе» и рок-фестивалей в костелах.

10 Профессор архимандрит Киприан (Керн). Евхаристия. YMCA-PRESS, Париж, 1947. Репр. Изд. М., 1992, с.239.

11 Этим объясняется таинственная «евхаристическая жажда» средневековой и ренессансной Европы, породившая широчайшее распространение алхимии, легенд о Святой Граали (именно так, в женском роде, именует эту Чашу «Полный Православный Богословский энциклопедический словарь», с.665).

12 В отличие от мнения «церковных» либералов о принципиальной возможности, более того, предпочтительности существования Церкви вне Империи, истинно православное сознание такую возможность категорически отрицает. Конец Империи — конец благодатного экклезиастического эона истории, хотя неодолима адовыми вратами Церковь все еще окормляет своих верных чад. Тем не менее, «православная общечеловечность» вне Империи есть пародия, будь она «либеральной» или «фундаменталистской». Об отсутствии Империи следует скорбеть по аналогии с тем, как безпоповцы скорбят об отсутствии (с их, на наш взгляд, ложной точки зрения) священства и таинств.

13 «Невидимое помазание» в летописях и хрониках в разные времена у разных народов (не только христианских) изображалось в символической форме. В Европе долго верили в «целительную» силу прикосновения монарха (см. в т.ч. М.Блок. «Короли-чудотворцы», М., 1998), на Руси — в то, что истинного царя можно опознать по особым царским знакам на теле, в частности, кресту между лопатками. В Византии V-XIII вв. и на Руси до XV в. особого помазания не совершалось. Венчание на царство почти точно повторяло чин венчания брака, затем следовало Причащение Царя и Царицы. «Помазание мифом при возведении на престол, по мнению исследователей, было впервые осуществлено в Константинополе 16 мая 1204 г. при коронации Бодуэна Фландрского (первого латинского императора в Константинополе); этот обычай заимствовал основатель Никейской династии Феодор I Ласкар, венчавшийся на царство в 1208 г. после чего данная традиция прочно укоренилась в Византии: с концом Латинской и Никейской Империи эта традиция продолжала соблюдаться в империи Палеологов», — писал Б.Н.Успенский. («Царь и Патриарх». Языки русской культуры», М., 1998, с. 14-15). И далее: «Западная традиция инаугурационного помазания монарха восходит к возведению на престол Питина Короткого в 751 г. (там же, с. 15). Эта традиция, «восходящая к основателю династии Каролингов и унаследованная затем византийскими императорами, непосредственно связана, по-видимому, с литургической реформой римской церкви, разделившей миропомазание на два этапа — помазание, вошедшее в обряд крещения и конфирмацию» (там же, с. 131). «Степенная книга царского родословия», составленная святым митрополитом Макарием, называет царями и не помазанных монархов — всех Рюриковичей начиная со св. Владимира. На Руси и после введения чина помазания (при Иоанне Грозном) сохраняется более близкий к древнему, чем в поздней Византии, чин: «если как на Западе, так и в Византии помазание венчаемого монарха предшествует венчанию в собственном смысле (т.е. коронации, возложению царского венца), то в России оно совершается после венчания. Очевидным образом само венчание при этом уподобляется крещению: миропомазание совершается в данном случае именно потому, что в обычном смысле оно совершается после крещения» (Б.Н.Успенский, Указ.соч., с. 21).

14 Цыпин Владислав, протоиерей. «Церковное право». Печатается по благословению Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М., 1996, с.190. Именно отсутствием Императора, а вовсе не с полусуеверным представлением о

«сакральной семерке» связана глубокая вера православных в то, что предполагаемый «восьмой собор», если и будет, то принимать его решений нельзя.

15 См. Успенский Б. Н. Указ.соч., с.55. В этой связи укажем на избрание святейшего Патриарха Тихона по жребию на Соборе 1917-1918 гг. как на единственно канонически допустимое. Собор этот был Поместным и не обязательно требовал присутствия Императора (с канонической точки зрения). Напомним, что, согласно Кормчей (и Книге правил XVIII в.), Поместный Собор должен созываться один раз в два года. В созыве Поместного Собора монарх может не участвовать, хотя подлинно авторитетными на Руси были все же соборы с участием Царя (Стоглав) или даже церковно-земские («собор примирения» 1551 г.). Но для авторитетности решений Поместного Собора участие Царя необязательно.

16 Зызыкин М.В. «Патриарх Никон: его государственные и канонические идеи», Варшава, 1931, репр. М., 1995, ч.1, с.285. Критикуя крайности латинства, принадлежа к РПЦЗ и будучи представителем монархической ветви эмиграции, Зызыкин стоит в то же время на последовательно августинианских позициях, с чем связано и его почитание Патриарха Никона.

17 В настоящее время именно в традиционно католических странах (Италия, отчасти Германия, многие страны Латинской Америки) существуют мощные христианско-демократические партии.

18 Цит. по Зызыкин М.В. Указ. соч., там же. Замечательно, что здесь и далее латинские взгляды на соотношение священства и царства полностью воспроизводятся Патриархом Никоном. См. тж. его «Раззорение», репринт которого издан Г.В.Вернадским.

19 Цит. по там же, с. 286.

20 Цит. по там же, с. 170.

21 Теорию «двух светил» разделял Патриарх Никон, что признает и М.В.Зызыкин (там же), правда в смягченной ее версии. В отличие от доминиканцев с их оправданием цареубийства, русский православный Патриарх, хотя и проводивший губительную реформу, поступает совершенно православно — покидая «нечестивый град» и «давая место гневу». Так же поступают и его противники-старообрядцы, что показывает, что Патриарх и его враги были людьми одной традиции и одной культуры.

22 Определение «теократия», применяемое к Ватикану, неточно. «Теократия» — непосредственное боговодительство. История, строго говоря, знает лишь один пример теократии — Израиль эпохи Судей.

23 Сословный характер жречество и священство имело по всему Древнему миру — от Индии до Израиля. Православный мир с его делением на белое (то есть свободное), женатое духовенство и черное (иночество) заботился всегда более о соблюдении канонического соотношения между браком и аскезой, нежели социальными мотивами. Однако, оно оказалось благотворным и сословно, создав «намоленные роды» и «намоленную кровь».

24 См. Лозинский С.Г. История папства. М., ИПЛ, 1986, с.101.

25 Борьба папства (института выборного, т. е. в конечном счете демократического) против наследственной монархии тождественна введению celibата и борьбе против «духовных династий». Всякая сословность и наследственность есть образ эона, «длительней вечности». «Бог, по образу Своего небесного единоточия, устроил на земле царя; по образу Своего вседержительства — царя самодержавного; по образу Своего царства непреходящего, продолжающегося от века и до века — царя наследственного». (Слова и речи преосвященного Филарета, митрополита Московского. Т. III, М., 1861, с.252). Борясь против сословности, папство готовит путь коммунистическому эгалитаризму, участвуя в «метафизическом заговоре» небытия против бытия.

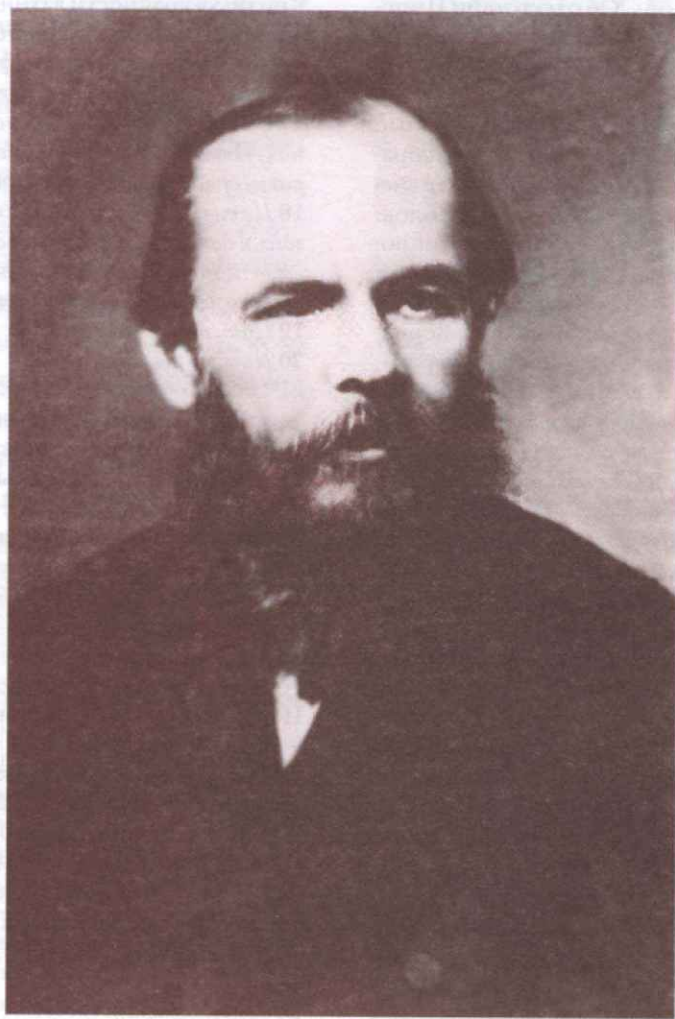
Литературная страница

Отошла

ИМЯ Ф. М. Достоевского одним из первых стоит в истории русской словесности, так как именно он создавал не только литературу слова, но и литературу мысли, литературу духа. К его творчеству мы, безусловно, будем ещё не раз обращаться. В данном номере нам хотелось бы предложить для внимания произведение, широкому кругу читателей скорее всего неизвестное. Дело в том, что в своё время Достоевский начал печатать так называемый «Дневник писателя», на страницах которого делился с публикой своими впечатлениями о различных событиях общественной жизни, наиболее заинтересовавших его. С 1876 года «Дневник писателя» выходит как самостоятельное периодическое издание, журнал, автором которого является один человек. И такой журнал имел колоссальный успех, так как автор в одиночку способен был влиять на умы и души широкого круга людей. Помимо размышлений «на злобу дня» здесь же иногда печатались и небольшие повести. Рассказ, представленный нами сегодня, не является даже законченным художественным произведением. В первой главе мартовского выпуска журнала за 1876 год Достоевским описан один

странно поражающий эпизод, изображающий смерть 104-х летней неприметной старушки, «полной душевной жизни». Сам автор в конце, как бы оправдываясь перед публикой за такой незанимательный рассказ, называет его «лёгкой и бессюжетной картинкой». Но почему же тратит на неё несколько страниц своего издания? Почему в простоте душевной с удивлением замечает: «сто лет как-то странно действуют до сих пор на человека»? И вдруг нас неожиданно поражают слова, непреложная и парадоксальная правда которых заставляет приблизиться к тайне жизни и смерти человеческой: «По такой не плачут». Правильно. Что-то «важное и миротворное» таится в покойной и безболезненной смерти исполнившего до конца свой век человека. Плачут — когда горе. А горе ли — умереть в 104 года? 104 года — радость. Радость состоявшейся жизни, когда смерть — не смерть, ког-

да гроб — без слёз. И у нас вместе с автором этого сюжета появляется уникальная возможность осознать смысл слова ЧЕЛО-ВЕК. После ста не умирают. После ста — отходят. Данная «бессюжетная картинка», пожалуй, стоит того, чтобы её ещё раз перечитать.

Писатель Ф.М. Достоевский

Ф. М. Достоевский

Столетняя

В ЭТО утро я слишком запоздала, — рассказывала мне на днях одна дама, — и вышла из дому почти уже в полдень, а у меня, как нарочно, скопилось много дела. Как раз в Николаевской улице надо было зайти в два места, одно от другого недалеко. Во-первых, в контору, и у самых ворот дома встречаю эту самую старушку, и такая она мне показалась старенькая, согнутая, с палочкой, только все же я не угадала ее лет; дошла она до ворот и тут в уголку у ворот присела на дворницкую скамеечку отдохнуть. Впрочем, я прошла мимо, а она мне только так мелькнула.

Минут через десять я из конторы выхожу, а тут через два дома магазин, и в нем у меня еще с прошлой недели заказаны для Сони ботинки, я и пошла их захватить кстати, только смотрю, а та старушка теперь уж у этого дома сидит, и опять на скамеечке у ворот, сидит, да на меня и смотрит; я на нее улыбнулась, зашла, взяла ботинки. Ну, пока минуты три-четыре прошло — пошла дальше к Невскому, ан смотрю — моя старушка уже у третьего дома, тоже у ворот, только не на скамеечке, а на выступе приютилась, а скамейки в этих воротах не было. Я вдруг перед ней остановилась невольно: что это, думаю, она у всякого дома садится?

— Устала, — говорю, — старушка?
— Устаю, родненькая, всё устаю. Думаю: тепло, солнышко светит, дай пойду к внукам пообедать.
— Это ты, бабушка, пообедать идешь?
— Пообедать, милая, пообедать.
— Да ты этак не дойдешь.
— Нет, дойду, вот пройду сколь и отдохну, а там опять встану да пойду.

Смотрю я на нее, и ужасно мне стало любопытно. Старушка маленькая, чистенькая, одежда ветхая, должно быть из мещанства, с палочкой, лицо бледное, желтое, к костям присохшее, гу-

бы бесцветные, — мумия какая-то, а сидит — улыбается, солнышко прямо на нее светит;
— Ты, должно быть, бабушка, очень стара, — спрашиваю я, шутя разумеется.

— Сто четыре года, милая, сто четыре мне годика, только всего (это она пошутила)... А ты-то сама куда идешь?

И глядит на меня — смеется, обрадовалась она, что ли, поговорить с кем, только странно мне показалась у столетней такая забота — куда я иду, точно ей это так уж надо.

— Да вот, бабушка, — смеюсь и я, — ботиночки девочке моей в магазине взяла, домой несу.

— Ишь махонькие, башмачки-то, маленькая девочка-то у тебя? Это хорошо у тебя. И другие детки есть?

И опять всё смеется, глядит. Глаза тусклые, почти мертвые, а как будто луч какой-то из них светит теплый.

— Бабушка, хочешь, возьми у меня пяточок, купи себе булочку, — и подаю я ей этот пяточок.

— Чтой-то ты мне пяточок? Что ж, спасибо, я и возьму твой пяточок.

— Так на, бабушка, не взыщи. — Она взяла. Видно, что не просит, не доведена до того, но взяла она у меня так хорошо, совсем не как милостыню, а так, как будто из вежливости или из доброты своего сердца. А впрочем, может, ей и очень понравилось это, потому что кто же с ней, с старушкой, заговорит, а тут еще с ней не только говорят, да еще об ней с любовью заботятся.
— Ну, прощай, — говорю, — бабушка. Дойди на здоровье.

— Дойду, родненькая, дойду. Я дойду. А ты к своей внучке ступай, — сбилась старушка, забыв, что у меня дочка, а не внучка, думала, видно, что уж и у всех внучки. Пошла я и оглянулась на нее в последний раз, вижу, она поднялась, медленно, с трудом, стукнула палочкой и поплелась по улице. Может, еще раз десять отдохнет дорогой, по-

ка дойдет к своим «пообедать». И куда это она ходит обедать? Странная такая старушка».

Выслушал я в то же утро этот рассказ, — да, правда, и не рассказ, а так, какое-то впечатление при встрече с столетней (в самом деле, когда встретишь столетнюю, да еще такую полную душевной жизни?), — и позабыл об нем совсем, и уже поздно ночью, прочтя одну статью в журнале и отложив журнал, вдруг вспомнил про эту старушку и почему-то мигом дорисовал себе продолжение о том, как она дошла к своим пообедать: вышла другая, может быть, очень правдоподобная маленькая картинка.

Внучки ее, а может, и правнучки, да уж так зовет их она заодно внучками, вероятно, какие-нибудь цеховые, семейные, разумеется, люди, не то она не ходила бы к ним обедать, живут в подвале, а может, и цирюльню какую-нибудь снимают, люди, конечно, бедные, но все же, может, питаются и наблюдают порядок. Добрела она к ним, вероятно, уже часу во втором. Ее и не ждали, но встретили, может быть, довольно приветливо.

— А вот и она, Марья Максимовна, входи, входи, милости просим, раба Божия!

Старушка входит, посмеиваясь, колокольчик у входа еще долго, резко и тонко звенит. Внучка-то ее, должно быть, жена этого цирюльника, а сам он еще человек нестарый, лет этак тридцати пяти, по ремеслу своему степенен, хотя ремесло и легкомысленное, и, уж разумеется, в засаленном, как блин, сюртуке, от помады, что ль, не знаю, но иначе я никогда не видал «цирюльников», равно как воротник на сюртуке всегда у них точно в муке вывалян. Трое маленьких деточек — мальчик и две девочки — мигом подбежали к прабабушке. Обыкновенно такие уж слишком старенькие старушки всегда как-то очень сходятся с детьми: сами-то уж очень они похожи на детей становятся душевно, иногда даже точно. Села старушка; у хозяина не то гость, не то по делу, один тоже, лет сорока, знакомый его, уже уходить собирался. Да племянник к тому же гостит, сын сестры его, парень лет семнадцати, в типографию хочет определиться. Старушка перекрестилась и садится, глядит на гостя:

— Ох, устала! Это кто же такой у вас?

— Это я-то? — отвечает гость, посмеиваясь, — что ж, Марья Максимовна, неужто нас не признали? Третьего-то

года по опенки в лес все собирались вместе с вами сходить.

— Ох, уж ты, знаю тебя, надсмешник. Помню тебя, вот только назвать как тебя не припомню, кто ты таков, а помню. Ох, устала я чтой-то.

— Да что ж вы, Марья Максимовна, старушка почтенная, не растете нимало, вот что я тебя спросить хотел, — шутит гость.

— И, ну тебя, — смеется бабушка, видимо, впрочем, довольная.

— Я, Марья Максимовна, человек добрый.

— А с добрым и поговорить любопытно. Ох, всё-то я задыхаюсь, мать. Пальтецо-то Сереженьке видно уж состроили?

Она указывает на племянника.

Племянник, бутузоватый и здоровый паренек, улыбается во весь рот и надвигается ближе; на нем новенькое серое пальтецо, и он еще не может равнодушно надевать его. Равнодушие придет разве только еще через неделю, а теперь он поминутно смотрит себе на обшлага, на лацканы и вообще на всего себя в зеркало и чувствует к себе особенное уважение.

— Да ты поди, повернись, — стрекочет жена цирюльника. — Смотри-ка, Максимовна, какое построили; ведь шесть рублей как одна копеечка, дешевле, говорят нам у Прохорыча, теперь и начинать не стоит, сами, говорят, потом слезьми заплачете, а уж эдакому износу нет. Вишь материя-то! Да ты повернись! Подкладка-то какая, крепость-то, крепость-то, да ты повернись! Так-то вот и уходят денешки, Максимовна, умылась наша копеечка.

— Ах, мать, уж так теперь дорого стало на свете, что и ни с чем не совместно, лучше б и не говорила ты мне и не расстроивала меня, — с чувством замечает Максимовна, а всё еще дух не может перевести.

— Ну, да и довольно, — замечает хозяин, — закусь бы надо. Что это ты, должно быть, уж очень, вижу я это, пристала, Марья Максимовна?

— Ох, умник, устала, денек-то теплый, солнышко; дай, думаю, их проведу... что лежать-то. Ох! А дорогой барыньку встретила, молодую, башмачки деткам купила: «Что это ты, старушка, говорит, устала? на-ка тебе пяточок: купи себе булочку...» А я, знаешь, и взяла пяточок-то...

— Да ты, бабушка, всё же отдохни ма-

ленечко сперва-наперво, что это сегодня так задыхаешься? — как-то вдруг особенно заботливо проговорил хозяин.

Все на нее смотрят; уж очень бледна она вдруг стала, губы совсем побелели. Она тоже всех оглядывает, но как-то тускло.

— Вот, думаю... пряничков деткам... пятачок-то...

И опять остановилась, опять переводит дух. Все вдруг примолкли, секунд этак на пять.

— Что, бабушка? — наклонился к ней хозяин.

Но бабушка не ответила; опять молчание, и опять секунд на пять. Старушка еще как бы белее стала, а лицо как бы вдруг всё осунулось. Глаза остановились, улыбка застыла на губах; смотрит прямо, а как будто уж и не видит.

— За попом бы!.. — как-то вдруг и торопливо проговорил сзади вполголоса гость.

— Да... не... поздно ли... — бормочет хозяин.

— Бабушка, а бабушка? — окликает старушку жена цирюльника, вдруг вся всполохнувшись; но бабушка неподвижна, только голова клонится набок; в правой руке, что на столе лежит, держит свой пятачок, а левая так и осталась на плече старшего правнучка Миши, мальчика лет шести. Он стоит не шелохнется и большими удивленными глазами разглядывает прабабушку.

— Отошла! — мерно и важно произносит, восклонившись, хозяин и слегка крестится.

— Ведь вот оно! То-то, я вижу, вся клонится, — умиленно и отрывисто произносит гость; он ужасно поражен и на всех оглядывается.

— Ах, господи! Вот ведь! Как же теперь быть-то, Макарыч? Туда, что ль, ее? — шепчет хозяйка торопливо и вся растерявшись.

— Куда туды? — степенно откликается хозяин, — сами здесь справим; родная ты ей аль нет? А пойтить дать знать надо.

— Сто четыре годика, а! — толчется на месте

гость, умиляясь все больше и больше. Он даже весь покраснел как-то.

— Да, забывать стала жисть-то в последние годы, — еще важнее и степеннее замечает хозяин, ища фуражку и снимая шинель.

— А ведь за минуту смеялась, как веселилась! Ишь пятачок-то в руке! Пряничков, говорит, о-ох, жисть-то наша!

— Ну, пойдем, что ли, Петр Степаныч, — прерывает гостя хозяин, и оба выходят. По такой, конечно, не плачут. Сто четыре года, «отошла без болезни и непостыдно». Хозяйка послала к соседкам за подмогой. Те прибежали мигом, почти с удовольствием выслушав вест, охая и вскрикивая. Первым делом поставили, разумеется, самоварчик. Дети с удивленным видом забились в угол и издали смотрят на мертвую бабушку. Миша, сколько ни проживет, всё запомнит старушку, как умерла, забыв руку у него на плече, ну а когда он умрет, никто-то на всей земле не вспомнит и не узнает, что жила-была когда-то такая старушка и прожила сто четыре года, для чего и как — неизвестно. Да и зачем помнить: ведь всё равно. Так отходят миллионы людей: живут незаметно и умирают незаметно. Только разве в самой минуте смерти этих столетних стариков и старух заключается как бы нечто умильное и тихое, как бы нечто даже важное и миротворное: сто лет как-то странно действуют до сих пор на человека. Благослови Бог жизнь и смерть простых добрых людей!

А впрочем, так, легкая и бессюжетная картинка. Право, наметишь пересказать из слышанного за месяц что-нибудь позанимательнее, а как приступишь, то как раз или нельзя, или нейдет к делу, или «не всё то говори, что знаешь», а в конце концов остаются всё только самые бессюжетные вещи...

БОГОСЛУЖЕНИЕ В ХРАМЕ АРХАНГЕЛА МИХАИЛА В МАЕ

Дата	День недели	Время	Богослужение
1	суббота	6:30 15:00	Божественная Литургия. Преподобного отца нашего Иоанна. Всенощное бдение
2	воскресение	07:00	Божественная Литургия. Неделя о расслабленном
4	вторник	17:00	Вечернее Богослужение
5	среда	6:30 17:00	Божественная Литургия. Преполовление Пятидесятницы. Вечернее богослужение
6	четверг	06:30	Божественная Литургия. Св. славного великомученика Георгия.
7	пятница	17:00	Вечернее богослужение
8	суббота	06:30	Божественная Литургия. Св. славного и всехвального апостола и евангелиста Марка.
9	воскресение	07:00	Божественная Литургия. Неделя о самаряныне.
14	пятница	17:00	Вечернее Богослужение
15	суббота	06:30 15:00	Божественная Литургия. Иже во святых отца нашего Афанасия Великого, архиепископа Александрийского. Всенощное бдение
16	воскресение	07:00	Божественная Литургия. Неделя о слепом
18	вторник	17:00	Вечернее Богослужение
19	среда	06:30 15:00	Божественная Литургия. Отдание Пасхи. Всенощное бдение
20	четверг	07:00 17:00	Божественная Литургия. Вознесение Господне. Вечернее Богослужение
21	пятница	06:30 15:00	Божественная Литургия. Св. славного и всехвального апостола и евангелиста апостола Иоанна Богослова. Всенощное бдение
22	суббота	06:30	Божественная Литургия. Перенесение честных мощей иже во святых отца нашего Николы, архиепископа Мир Ликийских, чудотворца
23	воскресение	07:00	Божественная Литургия. Неделя святых отец
28	пятница	16:00	Панихида. Утреня
29	суббота	06:30 15:00	Божественная Литургия. Троицкая родительская суббота. Память иже от века усопшим православным христианом. Всенощное бдение
30	воскресение	07:00 17:00	Божественная Литургия. Святая Пятидесятница — праздник Пресвятыя Троицы. Вечернее Богослужение.
31	понедельник	06:30	Божественная Литургия. День Святого Духа.

в расписании возможны изменения

Издание МихаилоАрхангельской Единоверческой общины.

Главный редактор: св. игумен Иринеарх.

Ответственный за выпуск: диакон Е.Н. Саранча

Заведующий производством: И.В. Краев

Корректоры: М.Н. Душин, А.И. Титова

Телефон редакции: (095) 510-51-81

(2004 год, выпуск 1)

Ваши пожертвования на приобретение данного издания будут использованы на нужды воскресной школы храма Архангела Михаила и издательскую деятельность нашего прихода.

Дорогие читатели, низайше просим Вас, после прочтения очередного номера нашего издания, не использовать его ненадлежащим образом, памятуя о том, что в нем находятся священные изображения и надписания священных имен Господа Иисуса Христа, Пресвятыя Богородицы и святых угодников Божиих.

Если небрежением или по незнанию сделали что неправильно или неуклюже, Вы, православные христиане, простите нас, Христа ради, да и Вас простит Господь Бог наш. Аминь.